

Российское китаеведение

Изучение моделей развития Китая в России в 1990-е годы*

© 2013

А. Виноградов

В статье рассматриваются основные направления изучения развития Китая в России после 3-го пленума ЦК КПК 1978 г. и пути их эволюции, прослеживается влияние реформ и общественно-политических процессов в России на оценку преобразований в КНР.

Ключевые слова: социализм с китайской спецификой, модернизация, экономические реформы в Китае, российское китаеведение.

Кризис европейского социализма на рубеже 1990-х гг. оказал решающее воздействие на ход мировой истории. Во-первых, положив конец биполярному миру, он дал толчок формированию многополярности и создал тем самым благоприятные предпосылки для роста разнообразия, диверсификации социально-экономических и культурных моделей. Во-вторых, направив общественное развитие большинства стран бывшего социалистического лагеря по новому руслу, он, по крайней мере на время, поставил под сомнение альтернативность исторического развития в Европе, задав импульс к универсализации в этой части света. В то же самое время социалистические страны Азии, не изменив свой общественный строй, дали еще один шанс социалистической альтернативе развития, но уже на Востоке. Ценой сохранения азиатской версии социализма стал ее отказ от некоторых фундаментальных положений марксизма. На протяжении более двадцати лет игравший роль последнего оплота мирового социализма Китай сегодня в очередной раз стоит перед серьезными вызовами и испытаниями, которые не исчерпываются экономическими трудностями, порожденными мировым кризисом, но связаны и с нарастанием социально-экономических проблем в китайском обществе и обострением идейно-политических дискуссий в КПК. В этой связи представляется обоснованным и полезным провести параллели между развитием событий в Восточной Европе, СССР и КНР четверть века назад и тем, что сейчас происходит в Китае, и оценить прошедший 25-летний период с точки зрения избранных моделей социально-экономического развития.

* * *

Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения»

К началу 1990-х гг. отечественное китаеведение не просто испытывало влияние протекавших в обществе идейно-политических процессов — в известной степени оно было их непосредственным объектом, а некоторые его представители — активными участниками. На протяжении трех десятилетий китаеведение, с середины 1950-х гг. находившееся на переднем плане идеологической борьбы между КПСС и КПК, международного коммунистического движения в целом, в полной мере претерпевало все трансформации, характерные для общественной мысли того периода. С началом «перестройки» официальные ориентиры, служившие руководством в его деятельности, были поставлены под сомнение, а затем в течение очень короткого промежутка времени после 1991 г. полностью отвергнуты. Одновременно радикальные реформы, которые уже набрали скорость, дали возможность по-новому посмотреть как на историю и сущность общественного строя в СССР, так и на внешний мир, пересмотреть или подвергнуть анализу фундаментальные представления о характере и содержании общественного развития.

Существовавшие и ранее в экспертном сообществе различия во взглядах на характер социально-экономического строя современного Китая получили дальнейшее развитие, впервые появилась возможность открытого соперничества различных научных школ и течений. Снятие идеологических ограничений быстро привело к поляризации мнений. На этот процесс с самого начала серьезное влияние оказывала интеллектуальная мода — Китай из недавнего принципиального оппонента превратился в важный аргумент в развернувшихся в российском обществе дискуссиях. Понятие «переключки реформ» стало не только частью официальной государственной пропаганды процессов обновления социализма во всем мире, но и поводом для критики и упреков в развернувшейся в СССР политической борьбе. Китаеведение вместе со всем обществом разделилось на два лагеря: на сторонников и противников социализма, а проводившиеся в обеих странах преобразования воспринимались как исторический выбор в пользу того или иного пути. Социально-политические и идеологические конфликты в СССР/России, а также бывших социалистических странах Восточной Европы прямо переносились на азиатские государства. Содержательный анализ их моделей развития часто подменялся откровенным неприятием и критиканством, которым, с другой стороны, противостояла не менее откровенная апологетика оставшихся верными социализму стран Азии. Основанием для обеих позиций служили яркие отличия в результатах реформ в Китае и в России.

Одной из характерных черт этих процессов стал повышенный интерес к Китаю со стороны широкого круга обществоведов-некитаистов, в т.ч. таких известных лидеров демократического движения в России, как Е. Гайдар, Г. Попов и др.¹ Являясь крупнейшей после СССР социалистической страной, Китай всегда представлял значимую альтернативу советскому пути, служил обязательной референтной точкой при анализе общественного развития и остался ею после смены общественного строя в России. Ссылки на него были почти такой же обязательной чертой дискуссий о выборе дальнейшего пути развития, как и ссылки на развитые западные страны с рыночной экономикой и демократической политической системой.

Обращение к Китаю и другим социалистическим странам Азии, помимо прочего, должно было помочь понять причины драматических изменений в Восточной Европе и СССР. «Каковы причины столь быстрого развала? Что будет его ближайшим результатом? Как это скажется на общих судьбах мирового социализма?»². Все эти формулировки предполагали, что даже кризис и поражение реформ не исключают нового этапа борьбы между капитализмом и социализмом. Однако к указанным событиям было и другое отношение. «Есть ли будущее у социализма вообще и как самостоятельной формации, и как особой ветви христианского учения о справедливости, равенстве, свободе», судьбы социализма, по-видимому, «сейчас решаются на Востоке, это последний шанс доказать его жизненную силу»³.

Отличительной особенностью изучения Китая в тот период было и то, что вне зависимости от политических симпатий, научное и экспертное сообщество пользовалось

марксистской методологией и категориальным аппаратом. Уйти от понятия «социализм» в этой системе координат было невозможно, что серьезно ограничивало проблемное поле дискуссий. Явным было желание вписать Китай в уже существующие модели, свести его специфику преимущественно к запаздыванию в развитии, обусловленную материально-технической отсталостью. Вместе с тем, фундаментальные преобразования в экономике при сохранении однопартийной политической системы заставляли искать промежуточные определения модели общественного развития Китая, такие как «постсоциалистическое», «посттоталитарное», «полутоталитарное» и т.п. Одновременно Китай воспринимался как азиатская страна с особым типом государства и общества, обладающая естественным правом на особый путь развития. Иногда этот путь рассматривался как временный, с неизбежным впоследствии переходом к «цивилизованному», «современному», «рыночному» и т.д. обществу, которое противостояло, как считалось, уже сошедшему с исторической сцены социализму и отождествлялось с либеральным, западным. Однако постепенно по мере успехов реформ Китай превращался в родовое понятие альтернативы универсальному, западному пути, будь-то в рамках социалистической парадигмы развития или моделей цивилизационного разнообразия.

После 1991 г. для значительной части китаеведов, особенно представителей старшего поколения, Китай стал последним и самым главным символом социализма в мире, что требовало его поддержки и защиты, а также поиска теоретической аргументации для обоснования проводимых им экономических преобразований. Последовательные сторонники социализма в России шли вслед за китайской практикой, за партийными документами и китайскими авторами. Из этого следовала реферативность изложения, марксистские концептуальные построения и категории, крен в сторону развития производительных сил, вытекавший из задач, поставленных КПК в тот период, недооценка на фоне экономической отсталости специфики китайской культуры и цивилизации. Их важным достоинством было желание выстроить единую линию развития Китая после 1949 г., показать объективную необходимость и историческую обусловленность реформ в рамках самого социалистического строя, что точно отражало направление и динамику социально-экономических процессов, показывая связь с предыдущим периодом. В целом, они неплохо ориентировались в изменениях китайской политики, которые, действительно, были продолжением споров в руководстве КПК относительно путей развития еще с 1950-х гг. Особенно это было справедливо на протяжении 1980-х гг., когда ведущую роль играли Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и другие представители старшего поколения. Эти отечественные авторы также в полной мере пользовались преимуществами, которые давал марксистский категориальный аппарат, довольно точно отражавший реальности китайской общественно-политической жизни. Для них начало реформ в Китае было не поворотом к социально-ориентированной политике, а восстановлением истинного облика марксизма-ленинизма, отказом от волюнтаризма и восстановлением экономического детерминизма. Причины предшествующих искривлений в период «большого скачка» и «культурной революции» объяснялись желанием перескочить через этап общественного развития и перейти к коммунизму в условиях бедности, осуществить «бедный социализм»⁴. Поэтому текущие экономические преобразования, развитие товарного, а затем и рыночного хозяйства воспринималось этими исследователями как обязательный урок у капитализма, восстановление естественно-исторического пути, аналогичное по своему смыслу периоду ленинского НЭПа.

В соответствии с ленинской теорией развитие социализма в Китае разделялось на два этапа: на первом — проведение социалистических преобразований, т.е. утверждение новых производственных отношений, на втором — всемерное развитие производительных сил. В соответствии с этим делением в 1956 г. Китай «вступил в социализм» и завершил первый этап, после чего начался второй этап, когда под существующие производственные отношения подводилась современная материально-техническая база. Вслед за китайскими партийными документами и трудами ученых современное состояние КНР

они называли «начальным этапом социализма» (НЭС), «неполным социализмом». Это состояние характеризовалось как переходное к полному социализму, когда уровень развития производственных отношений будет приведен в соответствие с уровнем производительных сил⁵.

В соответствии с этой периодизацией внутри НЭС выделялись две стадии: с 1956 г. — утверждение социалистических отношений и после 1978 г. — социалистическая модернизация, т.е. приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений, с акцентом на развитии производительных сил⁶. Длительность второго периода НЭС до середины XXI в. давала достаточно большие возможности для поиска новых переходных форм и экспериментов, но и, вероятно главное, надежду на ренессанс социалистической идеи в мировом масштабе. Социализм переставал выглядеть закостенелой догмой и вновь становился развивающейся системой не только в теории, но и на практике. Все это в совокупности служило основанием и для признания разнообразных моделей социализма⁷.

Однако необходимость возвращения к однажды уже пройденному этапу требовала особой исторической логики и соответствующего концептуального оформления. Именно это привело к созданию теории или, как тогда предпочитали называть, концепции «строительства социализма с китайской спецификой», которая в этой системе координат выглядела закономерной реакцией на ошибочные методы социалистического строительства, допущенные в предшествующие годы. Корректными представлялись и выбранные китайской стороной объяснения: экономическая отсталость — слабая материально-техническая база и специфика природно-демографических условий — большое население при небольшом количестве пахотной земли. Все эти объяснения выглядели вполне убедительными с марксистской точки зрения, поскольку не опровергали его «всеобщих истин». Концепция «начального этапа социализма», принятая на XIII съезде КПК, развивала и утверждала эту теоретическую линию, указывая на полукOLONиальный, полуфеодальный характер китайского общества, т.е. более четко определяя национальную специфику историческими и социально-экономическими причинами, и поэтому социализм, появившийся в этом обществе, «во многом отличается от социализма, появившегося в капиталистическом обществе»⁸.

В соответствии с этими представлениями решался вопрос о многообразии форм собственности, соотношении плана и рынка, товарной и даже рыночной экономики. В такой конфигурации оставалось место и для борьбы между социализмом и капитализмом, характерной для классических представлений о закономерностях строительства социалистического строя⁹. При этом власть КПК и ее бескомпромиссная борьба с «буржуазной либерализацией» выглядели надежной гарантией движения по социалистическому пути. В результате, несмотря на поражение социализма в СССР, социалистическая идея и социалистический строй продолжали существовать и развиваться, сохранялась и формационная модель истории с некоторыми несущественными дополнениями. Среди недостатков такого подхода был известный догматизм и недооценка глубины преобразований в Китае.

Но были и другие, прямо противоположные по выводам работы. Отдельно можно выделить группу обществоведов, специально не занимавшихся Китаем, для которых обращение к его опыту было продиктовано желанием найти дополнительные аргументы для обоснования своей логики рассуждений, включить Китай в общие закономерности, заставить его работать на универсальные, общесоциологические схемы. Общей чертой таких работ являлось слабое знание китайской истории и реалий и, как следствие, приоритет готовых схем над фактами, нацеленность не на изучение китайского опыта, а на подтверждение им западных, европейских теоретических моделей и объяснительных конструкций¹⁰. Эти авторы давали «свою проекцию» событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на развитие азиатских государств, в т.ч. Китая¹¹.

Так, М. Тригубенко была высказана мысль, что сталинская модель социализма нанесла странам Азии «еще больший вред», чем европейским странам, «замедлив их

движение от неразвитого общества к более прогрессивному»¹². Характеризуя общественный строй в Китае и других социалистических странах, она называла его «тоталитарным», «неадекватным понятию социализма», «феодалдно-бюрократическим социализмом», противостоящим «мировой цивилизации, которую достиг капитализм»¹³.

Автор предлагала свою трактовку периодизации переходного периода в странах Азии, сущности политической власти, причин отставания их лидерами идей социализма. Среди таких мер по отставанию социализма она выделила создание новой теории применительно к современным реалиям, в т.ч. теории социализма с китайской спецификой. Вместе с тем, она признавала, что популярность социализма на Востоке связана с антиимпериализмом, поскольку только социализм гарантирует «царство национальной свободы», и дает основание идеологам азиатских концепций оставлять за социализмом право быть самостоятельной формацией со своим способом производства и надстройкой¹⁴. Но, на самом деле, по ее мнению, «социализм — это утопия, и надо вливаться бескомпромиссно и не теряя времени в мировое сообщество»¹⁵. Препятствия для этого заключались в том, что руководство этих стран реализует концепцию планово-товарной экономики без политических реформ, «самореформирования политической системы»¹⁶.

Политические реформы были одной из ключевых точек при оценке модели общественного развития Китая. Сторонниками европоцентричных концепций отсутствие политических реформ связывалось с тем, что за 12 лет экономической реформы в Китае политические конфликты еще не созрели в отличие от Восточной Европы, где реформы «начались гораздо раньше», и успели созреть политические конфликты¹⁷. Китаисты придерживались прямо противоположной точки зрения: «К концу 70-х годов в Советском Союзе реформами еще не пахло; в ряде восточно-европейских стран... в той или иной мере проводились эксперименты рыночного характера», однако «общей картины это не меняло»¹⁸. Все это указывало, что различные группы ученых опираются на принципиально разный фактический материал и, как следствие, не могут проводить широкие сравнительные исследования и делать обоснованные и точные выводы.

Изучение различных концепций о социализме, по мнению М. Тригубенко, говорит о том, что «ничего «собственно» социалистического в этих учениях уже нет», в них есть «апробированные мировым опытом идеи продвижения стран бывшей соцсистемы к новому обществу, чтобы влиться в единый процесс перехода в новое качественное состояние мировой цивилизации, а именно постиндустриального мирового сообщества». Соцстраны должны стать «винтиками единой громадной машины перестройки», поскольку выбрав идею социализма, эти страны оказались «в хвосте мирового прогресса и мировой цивилизации»¹⁹. Автор не допускает мысли о конвергенции, речь может идти лишь о приобщении социализма «впервые за всю историю своего существования» к «общечивилизационным достижениям и ценностям»²⁰. Однако политический каркас старой экономической системы не может преобразоваться самостоятельно и «должен быть ниспровергнут революционным путем»²¹.

Следует, однако, признать, что авторы основной массы работ, посвященных Китаю, не занимали крайних позиций. Они хотели увидеть в проводимых преобразованиях свидетельство поступательного движения Китая, но часто на том этапе им не хватало теоретической смелости выйти из дихотомии «социализм—капитализм».

Говоря о начале трансформации модели развития в Китае, важно было зафиксировать характер начальной точки. Существовавший в КНР общественный строй характеризовался преимущественно в марксистских понятиях: «государственный социализм», «начальный этап социализма», «сталинская модель»²². Близость социально-экономического строя в СССР и КНР не вызывала сомнений. «И хотя уже на начальном этапе развития КНР многое стало отличаться от советской практики, следует признать, что построенное «реального социализма» в главных, основных чертах выдерживало маршрут, освоенный и развитый в СССР»²³.

Это была высокоцентрализованная, планово-распределительная система, характеризующаяся монопольным положением государственной формы собственности, командно-административными методами управления под полным контролем со стороны компартии. Таким образом, начальная точка реформ большинством исследователей под сомнение не ставилась — это была советская модель социализма с некоторыми непринципиальными отличиями. Поэтому одинаковыми были проблемы и противоречия — жесткое подчинение экономической политики политическим целям, экстенсивный характер развития, почти полное игнорирование факторов эффективности производства, расточительный подход к трудозатратам и т.д.²⁴ Все это предопределило, что рано или поздно Китай, как и СССР, должен был встать перед необходимостью коренных социально-экономических преобразований, перехода «к рынку от практически идентичной административно-командной системы»²⁵.

Вторым обязательным элементом анализа было выделение этапов реформы. При проведении реформы в Китае обозначилось два направления теоретического поиска, нашедших выражение в концепциях «начального этапа социализма» и «строительства социализма с китайской спецификой», которые развивались параллельно. «При этом первая привлекала внимание к несовершенству концепций переходного периода, т.е. к «белым пятнам» марксизма, а вторая — к особенностям развития Китая»²⁶.

Общей начальной точкой трансформации был избран 3-й пленум ЦК КПК (1978 г.) и последовавшее начало экономической реформы, которая «изменила вектор ее исторического развития»²⁷, «фактически заново стали формироваться основные слагаемые стратегии социально-экономического развития Китая»²⁸, начался «переход к новой стратегии социально-экономического и политического развития»²⁹.

В качестве следующего поворотного момента был выделен XII съезд КПК, провозгласивший концепцию строительства социализма с китайской спецификой, и 3-й пленум 1984 г., положивший начало этапу широкомасштабной реформы. Ключевой точкой по единодушному мнению был XIII съезд КПК, продемонстрировавший комплексный подход к изменению модели общественного развития в Китае. Во-первых, это выражалось во внимании к экономическому развитию. Китаю необходимо пройти через длительную начальную стадию развития, на которой предстоит осуществить индустриализацию и модернизацию производства и осуществить всеобщий закон соответствия производственных отношений и производительных сил. Во-вторых, в докладе впервые говорилось о необходимости проведения «реформы политической системы». На XIII съезде китайские реформы по постановке проблем и решений в наибольшей степени приближались к советскому опыту «перестройки», но с другими результатами. XIII съезд выглядел ее прямым, но более успешным продолжением. Еще одной критической точкой стал 1992 г., положивший начало курсу на создание в Китае социалистической рыночной экономики.

Смысл экономической реформы в Китае вслед за китайскими официальными документами отечественные китаеведы видели в обеспечении условий для наращивания производительных сил, быстрого и устойчивого роста производства и повышения жизненного уровня населения. При этом высказывалось мнение, что в 1980-е гг. Китай не отказался от социализма, но «подходы к реализации идей социализма изменились существенно», прежде всего, за счет использования различных форм хозяйственной деятельности, ранее не вписывавшихся в традиционные представления о социализме³⁰. Целью преобразований экономической системы было создание «социально ориентированной и государственно регулируемой рыночной экономики»³¹. При этом резонно указывалось, что социалистическая рыночная экономика может быть как «промежуточной ступенью на пути к социализму», так и «промежуточной ступенью к капиталистическому рынку»³².

Принципиальный вопрос, на который необходимо было дать ответ, чтобы оценить перспективы развития Китая: является ли модель развития Китая специфическим путем или она может претендовать на специфичность целей? Основанием для такой постановки вопросы служило «обновление в целом представлений о социализме в совре-

менном мире»³³. Для этого нужно было определить, что «в создаваемой новой общественно-экономической модели будет соответствовать смысловому определению «рыночная экономика», и что сохранит за собой понятие «социалистическая», насколько они будут «органически сочетаться» друг с другом³⁴. Одним из центральных при ответе на этот вопрос было отношение к политической реформе.

Мнения по этому вопросу были полярные. Часть ученых считала, что одну из ведущих ролей играет противоречие между традиционной идеологической монополией и политическим авторитаризмом КПК и увеличением частнособственнических и смешанных структур в народном хозяйстве КНР³⁵. Указывалось, что на практике идет медленная, не всегда отчетливо выраженная деидеологизация не только экономической, но и в какой-то мере общественно-культурной жизни, эта тенденция и логика экономического развития со временем может привести «к существенным сдвигам в ряде опор политической конституции КНР»³⁶. Политическая реформа «сильно запаздывала», что создавало трудности по мере углубления экономической реформы³⁷. В то время как «политическая модернизация представляла бы собой важнейшую основу успеха в деле превращения государства в богатое и сильное, основу модернизации экономики страны»³⁸.

Но существовала и другая точка зрения. Политический строй адекватен социокультурным условиям Китая, «в случае быстрой политической демократизации материкового Китая его ожидает хаос, дезинтеграция и даже гражданская война и развал»³⁹, причина успехов Китая в том, что китайское руководство отодвинуло политическую реформу на отдаленное будущее⁴⁰. Сохранение основ прежней политической системы обеспечило стабильные общественно-политические условия проведения экономических преобразований, а неудачи России объясняются приверженностью «курсу на первоочередность политических реформ»⁴¹. Более того, сохранить Китай удалось в результате «балансирования политической централизации и экономической децентрализации и культивирования духа высокого национального патриотизма»⁴².

Другим принципиальным моментом была конечная точка преобразований, относительно которой мнения расходились также достаточно серьезно. Китаю отказывалось в праве на создание некоего «уникального для мировой практики и притом якобы вполне стабильного типа «рыночного социализма», это называлось некритичным компилятивным восприятием «китайского политико-пропагандистского шаблона», призванным «завуалировать реальное положение вещей и вероятное развитие событий в этой стране». В Китае будут развиваться все основные базисные процессы, характерные «для любой современной рыночно-переходной экономики». Современный Китай не опровергает, «а лишь в национально-специфической форме подтверждает такого рода всеобщие истины»⁴³. Государство в Китае «не может вовсе повернуть вспять объективный исторический процесс становления института частной собственности и формирования демократической, многосубъектной структуры имущественных отношений»⁴⁴.

В то же время указывалось, что в Китае «в сущности, на практике произошел отказ от принципиальных марксистских постулатов, они остались лишь в идеологии, пропаганде»⁴⁵, а «идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединилась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма». «Социализм с китайской спецификой по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма». Но не важно, как она будет называться, если она даст более обеспеченную и достойную человека жизнь. Она существенно приближается к теориям «смешанной экономики», «конвергенции», «институционализма»⁴⁶.

Только оценка с точки зрения развития китайской цивилизации в целом могла окончательно примирить внутренние противоречия складывавшейся системы, где экономика не соответствует надстройке, и представить ее как вполне жизнеспособную модель развития не китайского государства в западном понимании, а китайской цивилизации. Предлагаются принципиально новые методологические принципы, например,

«классификация стран на капиталистические и социалистические, особенно применительно к странам Азии, вообще неприемлема»⁴⁷. Модернизация носит цивилизационный, социокультурный характер, ее нельзя сводить к чисто техническим параметрам⁴⁸.

Уже к середине 1990-х гг. связь традиционного Китая и современности постепенно получает всеобщее признание, а китайская специфика перестает быть только характеристикой социализма, завоевывает самостоятельное место и приобретает характер сущности китайского типа развития.

Утверждение о том, что реформы «азиатских драконов» не могли служить для Китая аналогом потому, что проходили в странах несравненно меньших по масштабам, а главное, потому, что «это были страны иной системы, с иной политической и идеологической платформой»,⁴⁹ теряет популярность и сторонников. Связь и схожесть преобразований в Китае со странами «конфуцианского культурного ареала» — Тайванем, Южной Кореей, Сингапуром становится общепризнанной⁵⁰.

Появляются работы, которые выходят за традиционные социально-экономические представления при описании *современного* Китая. Китай оставался в них цивилизационной целостностью, переживающей лишь один из этапов своего развития, характеризующийся возросшей ролью социально-экономических факторов. «Реформы и открытость в КНР — это никоим образом не перерыв или рубеж в истории Нового Китая и, тем более, не огромные реформы или изменения в социальной структуре Китая; в общем и целом это всего-навсего этап накоплений в сфере индустриализации и некий преемственный этап в развитии индустриализации; с точки зрения духовности, эта преемственность исторического плана является еще более тесной»⁵¹. Китайский опыт развития в течение последних двух десятилетий XX в. заставил поставить вопросы о «критериях прогресса в АТР», а модернизацию на Востоке описывать как процесс «взаимного влияния восточного и европейского типов цивилизации»⁵². «Основой модернизации традиционного общества может стать не просто заимствование западных ценностей, но и синтез принципов западной технократической культуры с восточными духовными традициями, при сохранении национальной культурной идентичности и цивилизационной самобытности»⁵³.

1. Об оценках китайских реформ в России см., например: *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 86; *Ганишин Г.А.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. М., 1997. С. 7 (ИБ ИДВ; № 3). О западных оценках китайской модели развития в первой половине 1990-х гг.: *Бергер Я.М.* Китайская модель развития и «Большой Китай» Китай на пути к рынку: Модель развития, демография, образование. М.: ИНИОН, 1996. С. 12–61.
2. *Бутенко А.В.* Вместо предисловия // *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 5.
3. *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991, С. 12, 13.
4. *Сидихменов В.Я.* Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994 гг.). М., 1996. С. 134–135 (ИБ ИДВ РАН; № 12).
5. Там же. С. 137 (ИБ ИДВ РАН; № 12). Такая периодизация не была общепризнанной: и после 1956 г. Китай был «обществом переходного периода». *Пивоварова Э.П.* Строительство социализма с китайской спецификой: Поиск пути. М., 1992. С. 292.
6. *Сидихменов В.Я.* Указ. соч. С. 139.
7. Там же. С. 165.
8. Там же. С. 140.
9. Там же. С. 164.
10. См., например, утверждение: «Все страны Азии в прошлом являлись зависимыми, лишенными своей государственности» (*Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 29).
11. *Бутенко А.* Вместо предисловия // *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 10.

12. *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 12.
13. Там же. С. 15, 16, 30, 32, 36.
14. Там же. С. 31, 34.
15. Там же. С. 27.
16. Там же. С. 36, 80.
17. Там же. С. 13.
18. *Ганишин Г.А.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. М., 1997. С. 105. (ИБ ИДВ № 3). «Китай раньше начал хозяйственные реформы»; *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 5.
19. *Тригубенко М.Е.* Указ. соч. С. 16.
20. Там же. С. 17.
21. Там же. С. 23–24.
22. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 12. Китай заимствовал сталинскую модель социализма; *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 49.
23. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 12. В 1950-е КНР выбрала советскую модель развития.
24. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 17.
25. *Кондрашова Л., Корнейчук Н.* КНР: реформа и региональная экономическая политика. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. С. 133; *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994. С. 232, 234, 243.
26. *Виноградов А.В.* Социализм или китайская специфика // Китай, китайская цивилизация и мир: Тез. докл. IV Межд. науч. конф. М., 1993. С. 100.
27. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 4.
28. *Пивоварова Э.П.* Строительство социализма с китайской спецификой: Поиск пути. М., 1992. С. 19.
29. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994, С. 239.
30. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 310, 54.
31. *Пивоварова Э.П.* Указ. соч. С. 252.
32. *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 106.
33. *Пивоварова Э.П.* Указ. соч. С. 71.
34. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 208.
35. *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 31.
36. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 8.
37. *Пивоварова Э.П.* Указ. соч. С. 309; *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 13, 31.
38. *Галенович Ю.М.* К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце 20 в. М., 1999. С. 123 ИБ ИДВ РАН № 7.
39. *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 209.
40. *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 95.
41. *Портяков В.Я.* Указ. соч. С. 194.
42. *Кондрашова Л., Корнейчук Н.* Указ. соч. С. 5.
43. *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 279–280.
44. Там же. С. 261.
45. *Буров В.Г.* Указ. соч. С. 202.
46. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: Итоги теоретического и практического поиска. М., 1999. С. 255. Образно эту ситуацию смены идеологических ориентиров выразил В. Буров.: Дэн Сяопин поступает по принципу «То, что хорошо для Китая, хорошо и для марксизма», а Мао Цзэдун занимал противоположную позицию «то, что хорошо для марксизма, хорошо и для Китая» (*Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 203).
47. *Буров В.Г.* Указ. соч. С. 210.
48. Там же. С. 4–5.
49. *Ганишин Г.А.* Указ. соч. С. 105.
50. См., например: *Буров В.Г.* Указ. соч. С. 194, 205.; *Портяков В.Я.* Указ. соч. С. 106, 210; *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 12.
51. *Галенович Ю.М.* Указ. соч. С. 45.
52. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994. С. 10, 25.
53. *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 11–12.